

ТЭОРЫЯ І ГІСТОРЫЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 323.174-043.83:930.85"19"

С. В. Донских

Домодерные культурно-исторические особенности генезиса дискурса регионализма

На основе теоретико-методологических подходов Кембриджской школы интеллектуальной истории с помощью диахронического анализа раскрываются домодерные культурно-исторические особенности генезиса дискурса регионализма. Выявляется, что этот процесс был связан с социокультурной интеграцией и диверсификацией территориального ядра Римской империи. Античные дискурсивные практики руководствовались диалектически взаимосвязанными концептами региона, провинции и субъекта федерации. Показано, как в зависимости от культурно-исторических условий происходили процессы регионализации провинций и провинциализации регионов вплоть до их полной сепарации. Установлено, что имплицитно заложенные в дискурсе регионализма домодерные модели территориальной диверсификации определяют концептуальные основания современных региональных исследований.

Регионалистика является одним из наиболее популярных междисциплинарных направлений в современных социально-гуманитарных науках. Понятие «регион» ввел в научный оборот на рубеже XIX–XX вв. французский географ Поль Видаль де ла Блаш (1845–1918). Лавинообразный рост исследований в данной области представлен двумя основными междисциплинарными направлениями: изучение регионов внутри или на пограничье национальных государств и анализ «глобальных регионов» – объединений нескольких национальных государств, отстаивающих свои интересы в мировой политике и экономике [4].

Базовое понятие региона по сей день не получило общепризнанной дефиниции. Логикой социокультурного конструктивизма фундировано формальное определение региона в энциклопедии «Британика»: «Образующее единое целое пространство, гомогенное по определенным выбранным критериям и отличающееся от сопредельных пространств или регионов по этим критериям. Это интеллектуальная конструкция, созданная путем отбора черт, значимых для конкретной проблемы, при игнорировании других черт, рассматриваемых как незначимые» [11]. Регион рассматривается функционально как аналитическая конструк-

ция, необходимая для осознания и решения территориально обусловленной проблемы, что коррелирует с теоретико-методологическими установками так называемого старого регионализма.

Понятие региона является результатом рецепции продуктов западной интеллектуальной традиции в русскоязычный академический дискурс. Так, исследователь Е. Б. Михайленко, ссылаясь на работы современных западных ученых, тяготеющих к парадигме «нового» регионализма, анализирует такие «регионообразующие» критерии, как «географическая близость и сопричастность», «культурная однородность», «чувство общности», «региональная консолидация» [7, с. 15]. Такое понимание региона характеризуется явным примордиализмом – стремлением выявить изначальные основания для региональной диверсификации, которые бы предшествовали последующим объединениям (национальным, имперским и/или цивилизационным). При наличии уникальных культурно-исторических оснований регион начинает претендовать на статус субъекта в национальной или международной политике. В рамках «старого» регионализма регион воспринимался в первую очередь как объект внешнего воздействия с целью устойчивого развития всей социокультурной системы.

В парадигме «старого» регионализма интенция к социокультурному конструктивизму направлена на повышение адаптационной устойчивости и гибкости всей системы за счет ее оптимальной диверсификации и структурирования. «Новый» регионализм определяет стратегию наделения регионов исключительными правами за счет национального, имперского и/или цивилизационного целого в силу изначального своеобразия, уникальности и особого их статуса. Е. В. Головнева, проанализировав понятийные образы концепта «регион» в современном академическом дискурсе, отметила: «Как показывает анализ методологических подходов, всякая позиция, осмысленная для региона, оказывалась тесно связанной с определенными группами, интересами, ценностями, стереотипами, клише» [2, с. 48].

В современной регионалистике общественно-политическая ангажированность зачастую предшествует научному анализу, поэтому вызывает сомнение объективность и комплиментарность полученного знания. Если поместить данную проблему в контекст теоретико-методологических дискуссий Кембриджской школы интеллектуальной истории (конвенционализм vs контекстуализм), то в регионалистике явно доминирует конвенциональный подход. Он рассматривает концепт «регион» как продукт авторских интенций, хотя и опосредованных определенной парадигмой (в данном случае – «новым» регионализмом) и требующих определенного консенсуса (заведомо недостижимого в условиях несовпадения априорных социально-политических авторских позиций). Контекстуализм ставит под сомнение креативный потенциал авторско-

го творчества в сфере производства идей и концептов, которое в конечном итоге детерминировано историческим развитием конкретных дискурсивных практик [6, с. 112–119]. Содержание концепта в значительной степени определяется дискурсом, который зачастую придает иные смыслы, отличные от авторского замысла. Эти искажения и дополнения делают концепт конвенциональным и определяют горизонты его имплементации и особенности интерпретации.

Не ставя под сомнение эвристические возможности сравнительного анализа современных подходов к пониманию региона (синхронический анализ), следует обратиться к проблеме генезиса и эволюции концепта «регион» и соответствующего дискурса (диахронический анализ) в домодерный период. Это позволит выявить культурно-историческую обусловленность дискурса регионализма и зафиксировать пределы авторских интерпретаций соответствующего концепта в духе примордиалистского или субстанционального подхода к пониманию региона как территориальной социокультурной общности, предшествующей национальным, имперским и/или цивилизационным образованиям. Термин «домодерный период» в данном контексте употребляется для обозначения традиционного общества до начала индустриальной и политической революций рубежа XVIII–XIX вв.

Этимология слова «регион» восходит к латинскому термину «regio», первоначально означавшему направление, затем – городской квартал, впоследствии – местность, округ. Во времена республики город Рим делился на 4 региона – квартала по сторонам света (Roma quadrata). Император Август (31 г. до н. э. – 14 г. н. э.) разделил Рим на 14 регионов, включавших 256 кварталов (лат. *vici*), а Италию на 11 регионов: 1. Кампания и Лаций, 2. Апулия и Калабрия, 3. Лукания и Бруттий, 4. Самний, 5. Пицен, 6. Умбрия, 7. Этрурия, 8. Эмилия, 9. Лигурия, 10. Венеция и Истрия, 11. Транспаданская Галлия. Примечательно, что последняя за полвека до введения регионального деления не рассматривалась как собственно римская территория и отделялась от Италии легендарной рекой Рубикон. После Союзнической войны (90–88 гг. до н. э.) большинство италиков уже имели права римского гражданства. Территориально-административная реформа Августа лишь узаконила произошедшую трансформацию разнообразных италийских земель в неотъемлемые исконные римские территории. Даже относительно Самния и Транспаданской Галлии, которые дольше всего сопротивлялись установлению римской власти, можно было смело говорить о свершившейся инкорпорации и романизации [9, с. 66, 76, 383, 386; 10, с. 479].

Регионализация Италии ознаменовала собой превращение Рима в полноценное территориальное государство. Регионы, созданные в процессе укрепления государственности посредством дифференциации ее центральной территории, характеризовались неразрывными социаль-

но-політычнымі, эканамічнымі і культурнымі сувязямі з Рымом. Яны былі прадуктам інтэграцыі політычнага і культурнага ядра Рымскай імперыі. У процывес рэгіонам, правінцыі яўляліся завоеванымі тэрыторыямі, якія ўправляліся намеснікамі (проконсуламі, прэторамі, прокураторамі) і беспощадна эксплуатаваліся откупшчыкамі налогаў [10, с. 461]. Правінцыі нікогды не воспрымаліся як сабствэнна рымскія ці блізкія ў этнакультурным плане абласці. Гэта былі пакоренныя краіны і зямлі са сваім населеннем, культурай, гісторыяй ці традыцыямі. Прынцыпіальная інакавоўнасць правінцый фіксавалася ў іх падчіненым статусе і пренебрежыцельным адношэнні к правінцыялам.

Дзеленне на правінцыі было свайцтвенна Рымскаму гасударству задоўга да п'яўлення рэгіонаў. Понятыя «правінцыя» (лат. *provincia*) ў врэмена Ранней Рымскай рэспублікі абозначалі круг дэятельнасці д'южностнага ліца [Там же]. Першыя правінцыі былі абразаваны на рубеже III–II вв. до н. э. ў рэзультате п'яўд над Карфагенам: Сіцылія, Сардынія і Корсіка (227 г. до н. э.), Бліжняя і Далняя Іспанія (197 г. до н. э.). Паследнімі рымскімі правінцыямі ў пачале II в. н. э. сталі Аравія (106) і Дакія (107). Рым актывна выводіў на тэрыторыі правінцый сваі колоніі – паселення безземельных гражданаў і ветэранаў. Жытэлі колоній сахранялі права рымскага гражданства, што дэдало іх апорой ўласці і запускала механізм этнакультурнай романізацыі населення. Правінцыі, яўляясь рэзультатам рымскай экспансіі, гістарычэскі прэдшэствавалі рэгіонам, но былі лішэны ў адлічье ад рэгіона статусу раўнапраўнага п'яўжэння адносіцельна цэнтэра.

У III в. н. э. протывопаставленне рэгіонаў і правінцый утратыло смысл. У 212 г. імператар Каракалла (правіў ў 211–217 гг.) даравал права рымскага гражданства ўсему свободнаму населенню імперыі, што дэдало яго ваеннаобязаным і падатным сословіем. К гэтому врэмену дэмографічэскі крызіс практычэскі астанавіў рымскую коланізацыю – п'яўенцыяльных пераселенцаў-коланістаў прасто не было [Там же, с. 279]. Імператар Дыоклетіян за врэмя правленія (284–305) п'яўчты ў тры раза ўвэлчыў лічье рымскіх правінцый – раздэлів старыя правінцыі на 100 новых і аб'ядныв іх ў 12 дыоцэзаў. Дастыгнуты к гэтому врэмену ўрэвень цэнтэралізацыі імперыі і романізацыі зап'яўдных і севэрных правінцый п'яўзволіў аўсцэствіць тэрытарыяльна-адмінстратывнае дзеленне, к'яторэ слаба ўчытывалі гістарычэскія традыцыі і культурныя асабеннасці аддэльных тэрытарыяў (п'яўвіліся «верхніе» і «ніжніе», «ўнутрэнніе» і «внэшніе», а такжэ «номерныя» правінцыі). Наіменаванне рэгіонаў п'яў інерцыі пр'яўд'яўляўся прыменяцься к італ'яньскім правінцыям, к'яторыя снабжэлі пр'яўдольствіем горад Рым і імператарскі двар [3, с. 10–11].

Кризис Римской империи в IV–V вв. породил новую форму территориальной дифференциации – федерализацию. Федератами (лат. foederati от foedus – союзный договор на принципах равноправия) являлись преимущественно германские племена, которым Римская империя разрешала поселиться на своей территории в качестве автономных субъектов и обязывалась производить в их пользу ежегодные выплаты. В свою очередь варвары-федераты должны были защищать границы империи и выставлять свои воинские контингенты в римскую армию [3, с. 122–125; 10, с. 600]. Первыми федеративными соглашениями Рима с варварами были договора с франками (358), вестготами (382) и бургундами (408). К моменту падения Западной Римской империи (476) почти вся ее территория была поделена между варварскими королевствами, большинство из которых формально продолжали числиться федератами империи.

Римские федераты IV–V вв. являлись автономными образованиями на территории империи. Они имели своих наследственных королей (которым императоры жаловали консульские звания), руководствовались нормами традиционного племенного права, сохраняли свои языки, обычаи и уклад жизни. Даже религия римских федератов отличалась от принятой в империи. Большинство федератов исповедовали христианство арианского толка [3, с. 125–130]. Федераты селились среди поредевшего римского населения (получая треть пахотной земли) или на опустевших приграничных территориях. В чем-то их статус был похож на положение римских колонистов II в. до н. э. – начала II в. н. э., но если последние укрепляли единство римского государства и способствовали романизации провинций, то федераты за одно столетие развалили Западную Римскую империю на собственные варварские королевства.

Примечательно, что на землях, где местное романизованное население было относительно многочисленным, а варварские короли сохраняли видимость федеративных уз с Римской империей, в настоящее время проживают романские народы (Италия, Испания, Португалия, Франция). В тех случаях, когда варвары не были связаны федеративными отношениями с Римом или принципиально разрывали эти связи (англы и саксы в Британии, вандалы в Северной Африке), романизация уходила в историю. Таким образом, федеративная дифференциация не выполнила свою ближайшую задачу по сохранению Римской империи, но реализовала долгосрочную культурно-цивилизационную миссию по романизации многих германских племен и формированию «романской Европы».

Средние века унаследовали идею единой европейской христианской империи, которая дважды возрождалась в форме Франкской империи (IX в.) и Германской империи (X в.). Последняя со временем стала име-

новаться Священной Римской империей германской нации (*Sacrum Romanum Imperium Nationis Germanicæ*), включала в себя преимущественно немецкие и западнославянские земли, очень редко контролировала сам Рим и де-юре просуществовала до 1806 г. [12, с. 44]. В рамках средневековой Германской империи оказался востребованным римский термин «регион». Готский историк Иордан (умер после 551), писавший на латыни, употреблял его применительно к территории расселения отдельных варварских племен: малых готов, свевов и бриттов [5, с. 168, 202, 233]. На закате Великого переселения народов, когда варварские племена осели на территории современной Германии, но еще не обрели собственные государственные институты, термин «регион» оказался для латинских книжников удачным обозначением, отличавшим осевшие германские племенные союзы от первых варварских королевств со смешанным населением (*Regnum*), возникших на завоеванных римских землях и являвшихся субъектами права.

Средневековая Германия стала идеальным социокультурным пространством для сохранения понятия региона. Поздно осознав национальную общность, немцы всегда сохраняли высокую степень этнокультурного единства. Разговаривая на разных германских языках и диалектах, жители Германии и современного Бенилюкса четко отличали себя от романизованного населения на западе Европы (*Wala, Walsch, Waelsche*) и славянских народов на востоке (*Went, Wenden, Wendisch, Wendland*) [8, с. 282–283; 12, с. 53–54]. После раздела в 843 г. Франкской империи в состав будущей Германии (Восточнофранкского королевства) вошли исключительно немецкие земли, в основе которых было 4 крупных племенных союза: бавары, алеманны (ранее свевы, позднее швабы), тюринги (включая франконцев) и саксы. В начале X в. на их основе сложились 5 германских герцогств: Бавария, Лотарингия, Саксония, Франкония и Швабия, князья которых быстро стали фактически независимыми правителями [8, с. 474].

В IX в. баварские герцоги дали начало многовековому процессу германской экспансии на восток, завоевав и заселив колонистами земли Восточной Баварии, Штирии и Каринтии. Завоевательные походы X в. немецких феодалов («*Drang nach Osten*») со второй половины XII в. подкреплялись массовой колонизацией в лице купцов, ремесленников и крестьян. Конец немецкой колонизации восточных земель положила страшная эпидемия чумы в середине XIV в. и разгром Тевтонского ордена под Грюнвальдом в 1410 г. К этому времени на славянских и балтских землях Восточной Европы уже сформировались новые немецкие земли: Австрия, Верхняя Саксония, Силезия, Бранденбург, Мекленбург, Передняя Померания, Восточная Пруссия, не говоря о многочисленном немецком населении в Трансильвании, Эстляндии и Лифляндии. Основанная на племенных герцогствах Западная Германия расширяла

свои владения и влияние на восток. Переселенцы из Западной Германии, Нидерландов и Фландрии дали начало территориальным немецким общностям, для которых лучше всего подходил древний латинский термин «регион» (собственной племенной основы у новых сообществ, образовавшихся за счет «микширования» колонистов и ассимиляции автохтонного населения, не было). При этом чувство общегерманского единства у жителей земель новой Германии было намного выше, нежели у обитателей старой Германии. По мере феодального дробления Священной Римской империи число «регионов» – политических субъектов, в том числе германской нации, достигло 360, а Реформация XVI в. дополнила политическую дифференциацию религиозными границами между католиками и протестантами. Эта уникальная ситуация была зафиксирована при заключении Аугсбургского религиозного мира (1555) принципом «Чья страна, того и вера» («Cujus regio, ejus Religio»).

Социокультурное развитие Германии в Средние века пошло по пути регионализации племенных герцогств завоеванных и колонизированных земель при одновременном ослаблении императорской власти. Термин «регион» как достояние узкого круга юристов и интеллектуалов, использовавших латинский язык, на повседневном уровне был заменен немецким словом «Heimat» – родина, родная земля. Родина занимает важное место в немецкой идентичности и детерминирует ментальные основания современного немецкого федерализма. Во Франции наблюдалась обратная картина: по мере укрепления центральной королевской власти и консолидации дворянства сохранялись огромные этнокультурные различия между отдельными областями государства. Не случайно термин «регион» был предан забвению во Франции до конца XIX в., а базовым для социокультурной пространственной дифференциации стало понятие «провинция».

Выдающийся французский историк Ф. Бродель утверждал: «Имя Франции – разнообразие» [1, с. 25–26]. В результате Великого переселения народов римская Галлия оказалась разделена на целый ряд культурно-исторических провинций с ярко выраженным этническим своеобразием. Иль-де-Франс и Бургундия были основаны германскими племенами франков и бургундов. Нормандия появилась на свет благодаря завоеваниям пришедших с севера викингов – норманнов. Бретань была заселена переселенцами с Британских островов – романизованными кельтами-бриттами. «Прованс – это старая античная провинция Нарбонская Галлия (основана в 121 г. до н. э.), которая долго сохраняла римское культурное наследие и прочные связи со странами Средиземноморья», – отметил Ф. Бродель [Там же, с. 29–31]. Гасконь – наследница средневекового герцогства Васкония, которое обязано своим именем древнему и слегка романизованному народу басков.

Французские провинции – культурно-исторические области с ярко выраженным своеобразием, долго и сложно инкорпорировались в состав французского королевства, сохраняли свои права и привилегии. Только Великая французская революция 1789 г. радикально покончила с многовековым французским провинциализмом и принудительно разделила республику на 83 департамента, не считаясь с какими-либо историческими традициями. Это был триумф централизации и унификации социокультурного пространства Французской республики. К концу XIX в. стало очевидным, что многие территориальные республиканские абстракции оказались нежизнеспособны. Этот факт заставил П. Видаль де ла Блаша обратиться к забытому понятию региона. Оно снимало противоречие обеих крайностей: провинциализации, которая permanently угрожала сепаратизмом, и централизации, которая превращала все области за пределами столичного центра в отсталые периферии.

Таким образом, современному термину «регион» предшествовала многовековая история дискурса регионализма. Изначально этот концепт появился в конце I в. до н. э. для обозначения территориальных единиц в рамках Италии – политического и культурного центра Римской империи. Регион обозначал собственно римские, исконные, родные земли, которые были неотъемлемой частью римского государства. В этом плане регионы принципиально отличались от покоренных провинций и инкорпорированных в состав империи федератов, за которыми априори признавалось этнокультурное своеобразие и гражданско-политическое неравноправие. История Римской империи дала примеры как регионализации провинций (романская Европа), так и провинциализации регионов (варварские королевства). В Средние века дискурс регионализма оказался востребованным в Священной Римской империи германской нации и способствовал успеху немецкой восточной колонизации в XII–XIV вв. Осуществленная П. Видаль де ла Блашем в конце XIX в. рецепция концепта «регион» в социально-гуманитарные науки была детерминирована необходимостью имплементации понятия, которое бы снимало ставшие очевидными противоречия между центром и отстающими перифериями в жестко централизованном и унифицированном современном (индустриальном) обществе. Эта интенция стимулировала научные изыскания в парадигме «старого» регионализма, которые были направлены на регионализацию периферий. «Новый» регионализм артикулировал иные социокультурные импликации дискурса регионализма – провинциализацию регионов.

1. Бродель, Ф. Что такое Франция? / Ф. Бродель ; пер. с фр. В. Мильчиной, С. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1994–1996. – Кн. 1 : Пространство и история. – 1994. – 406 с.

Тэорыя і гісторыя культуры

2. Головнева, Е. В. Понятийные образы концепта «регион» в академическом дискурсе / Е. В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 4. – С. 42–50.

3. Грант, М. Крушение Римской империи / М. Грант ; пер. с англ. Б. Бриксмана. – М. : Terra-Книжный клуб, 1998. – 222 с.

4. Донских, С. В. От цивилизаций к регионам: пространственные трансформации в эпоху глобализации / С. В. Донских // Науч. труды КубГТУ : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современные социальные процессы в контексте глобализации», г. Краснодар, 15 мая 2019 г. – 2019. – № 4. – С. 14–23.

5. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Иордан ; вступ. ст. и пер. Е. Ч. Скржинской. – СПб. : Алетейя, 2001. – 506 с.

6. История понятий, история дискурса, история менталитета : сб. ст. : пер. с нем. / под ред. Х. Э. Бёдекера. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 328 с.

7. Михайленко, Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс : курс лекций / Е. Б. Михайленко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 115 с.

8. Пиренн, А. Средневековые города Бельгии : пер. с фр. / А. Пиренн ; под ред. Е. А. Косминского. – СПб. : Евразия, 2001. – 511 с.

9. Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл ; пер. с лат., предисл. и примеч. М. Л. Гаспарова ; послесл. Е. М. Штаерман и М. Л. Гаспарова. – М. : Правда, 1988. – 510 с.

10. Словарь античности / сост. Й. Ирмшер ; ред. В. И. Кузищин [и др.] ; пер. с нем. В. И. Горбушина [и др.]. – М. : Прогресс, 1989. – 704 с.

11. Region [Electronic resources] // Encyclopedia Britannica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/science/region-geography>. – Date of access: 10.09.2021.

12. «Niemiecki Wschód»: wyobrażenia – misja – dziedzictwo / wybór, wstęp, oprac. Christoph Kleßmann ; przekł. Izabela Drozdowska-Broering, Jerzy Kałużny. – Poznań : Wyd. Nauka i Innowacje, 2014. – 421 s.

S. Danskikh

Premodern cultural and historical features of the genesis of the discourse of regionalism

The article, based on the theoretical and methodological approaches of the Cambridge School of the Intellectual History, with the help of diachronic analysis reveals the premodern cultural and historical features of the genesis of the discourse of regionalism. It is revealed that initially this process was associated with sociocultural integration and diversification of the territorial core of the Roman Empire. Ancient discursive practices were guided by dialectically interrelated concepts of the region, province and subject of the federation. Depending on the cultural and historical conditions, both the processes of regionalization of the provinces and the provincialization of regions up to their complete secession were observed. It has been established that the premodern models of territorial diversification, implicitly embedded in the discourse of regionalism, largely determine the conceptual foundations of modern regional studies.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 31.08.2021.